

ТЕКСТОВЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, профессор. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

Коротченко Юлия Михайловна – кандидат философских наук, доцент. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

В статье предлагается социально-философский подход, ориентированный на исследование текстовой культуры и поиск смыслов в изучении общества. Авторы полагают, что у философских исследований социального есть специфика, и выражают ее с помощью понятия «публичный текст». Публичность социального текста определяется как его особый статус в обществе, заключающийся в создании социально значимых смыслов. Среди публичных текстов авторы выделяют тексты особого формата, обладающие выраженным социально-трансформирующим потенциалом – публицистические. В статье предложена валюативная модель аналитически ясного и рефлексивного прочтения такого текста. Утверждается, что социокультурные исследования наших дней будут иметь большую перспективу в отношении конкретности и предметности, если будут связаны с изучением – анализом и интерпретацией – именно текстов.

Ключевые слова: социокультурное исследование, социальный текст, смысл, публикация, публицистика, текстовый формат

TEXTUAL APPROACH IN SOCIAL PHILOSOPHY

Ryskeldieva Lora – DSc in Philosophy, professor. V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospekt, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

Korotchenko Julia – PhD in Philosophy, assistant professor. V.I. Vernadsky Crimean

This article discusses the specifics of social and philosophic approach to studying society in the context of two basic tendencies in modern social researches: interdisciplinary studies and commitment to search of meaning/sense. Both tendencies point to a special subject of this research – text. The authors believe that social philosophy has a particular characteristic that should be preserved and an introduction of the concept “public text” will help the preservation. Publicity of social text is determined as its special status in the society consisting in creation of socially meaningful senses. Among public texts the authors single out publicistic texts that are of special format and possess expressed socially transforming potential. This article proposes valiative

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

Federal University, 4 Vernadskogo Prospekt, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

model as a method of analytically clear and reflexive reading of such text. It is being established that sociocultural research of modern days will have broader perspective in regards to specificity and thingness if it is involved with studying (analysis and interpretation) of namely texts. Social and philosophic research itself becomes text as well – mainly author's and intentionally published, that preserves special features of philosophical text in general. The concept of "social text" loses virtual status at that, philologism as a regular consequence of modern interdisciplinary studies is being overcome and the subject of social and philosophical reflection is obtained from the area of text creation. The authors note two main research options of social philosophy – generalization of work results from experts in cultural studies, social studies, political studies, etc. (critical and methodological); determination and comprehension of socially important intents (reflexive and textological).

Keywords: sociocultural research, social text, sense, publication, publicistic writing, textual format

Вопрос о соотношении философии общества – социальной философии и науки об обществе – теоретической социологии, на первый взгляд, это вопрос, заданный «бюрократом»: в самом деле, какая разница, если дело здесь одно – исследование общества? Да, отличие теоретической (или фундаментальной) социологии от социальной философии не бросается в глаза, но оно есть. Мы определим его так: социология в качестве науки должна изучать общество как свой объект (статус объекта зависит от методологии). В философии смысл как предмет рефлексии порожден ею самой, он и нозматически полагается объективным, и нозтически порождается рефлексией философа. Очевидно, что грань между социальной философией и теоретической социологией здесь исчезающе тонкая, можно сказать, виртуальная, но она заметно влияет на цели и содержание исследований.

За последние несколько десятков лет сформировалось, так сказать, «общее место» любого рода социальных исследований, и мы определим его, сформулировав два основных тезиса: 1) такие исследования и являются, и должны быть междисциплинарными; 2) они должны быть ориентированы на смысл. В статье обосновываются следующие тезисы: во-первых, что междисциплинарность как принцип имеет сильно ограниченное применение в социальной философии, и, во-вторых, что конкретность современных социально-философских исследований может быть достигнута в контексте изучения текстовой культуры. В качестве результата будут продемонстрированы возможности валюативной методологии в анализе публицистического формата текстовой культуры.

Междисциплинарность в социально-философских исследованиях

Тезис о междисциплинарности можно считать подкрепленным уже самым фактом широкого употребления термина «социокультурный» в русском «словаре» культурологии и социологии. Единство исследований культуры и общества, методологический «союз» культурологии и социологии и саму систему культура-общество можно считать официально зарегистрированными [Ахиезер, 2000]. Это единство осуществилось, судя по всему, не без влияния П.А. Сорокина, социология которого тяготела к синтетическому знанию об обществе, а также под воздействием западных исследований последних десятилетий XX в. Из их совокупности выделим два, наиболее репрезентативных источника, ценных для характеристики междисциплинарности.

Во-первых, стоит выделить Бирмингемскую школу культурных исследований, которая была изначально ориентирована на массовую культуру и появление которой связывают с работами «Назначение грамотности...» Р. Хоггарта [Hoggart, 1957] и «Культура и общество» Р. Уильямса [Williams, 1958]. Так, в «Назначение грамотности...» Хоггарт говорит об условиях жизни британских рабочих, вычитывая из них «смыслы и ценности, как если бы они были текстом» [Холл, 2012]. «Культура и общество» связывает культуру с социальными потрясениями, крупными историческими событиями, внекультурный анализ которых не может быть полным [Холл, 2012]. К такого рода работам принято относить и текст Томпсона “The Making of the English Working Class”, в котором он настаивает на включении понятий культуры, смысла, традиций и т. п. в язык, описывающий процесс «делания» класса в истории [Thompson, 2009]. В целом, Хоггарт, Уильямс и Томпсон, несомненно, открыли новую территорию для исследований культуры и общества – территорию, где в культурном обнаруживает себя социальное и где изучение культуры становится обязательным при анализе социального. Будучи своеобразной рецепцией марксизма, бирмингемская парадигма культурных исследований несет в себе социально-политическую ангажированность работы ее основателей, которые, по замечанию Ст. Холла, сами были «культурными» в том смысле, который вкладывался в него Уильямсом: это были работы «на злобу дня», как это видели «британские левые», взявшие тексты бирмингемцев на вооружение. Еще одной особенностью этой школы стало критическое отношение к академическим традициям и институтам, принципиальная ориентация на массовую культуру, намеренная демократичность – в целом антиэлитаристская позиция.

В 1987 г. выходит работа Р. Джонсона «Так что же такое культурные исследования?» [Johnson, 1986–1987], в которой говорится о необходимости критического восприятия самой критической позиции в культурных исследованиях, особенно, если под “Cultural Studies” подразумевается академическая дисциплина. Джонсон отмечает, что на самом деле основным вопросом таких исследований должен быть «вопрос не соединения существующих подходов (немного социологии здесь, что-то от лингвистики там), а преобразования элементов различных подходов в их отношениях друг с другом» [Джонсон, 2012, с. 85]. Таким путем важный для бирмингемской школы ориентир – погруженность культурных исследований в реальность преподавания (преподают-ся-то как раз дисциплины по отдельности!) нуждается в пересмотре: «Культурные процессы не соответствуют существующим контурам академического знания» [там же]. Между тем, культурные исследования должны быть междисциплинарными (и иногда антидисциплинарными) по своему подходу» [там же, с. 85]. Джонсон предлагает взять за основу междисциплинарного видения культуры понимание ее как сознания и субъективности, подчеркивая при этом, что субъективности производятся, они не даны, и потому они представляют собой предмет изучения» [там же, с. 90]. Сырьем для такого производства служит именно текст, а среди форм, имеющих особую социальную значимость, – именно публичные. Публичность текста, даже если и не искажает коды и жанры, все же, полагает Джонсон, явно работает на удержание их в рамках «публичных определений значимости» [там же, с. 101]. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, делает понятия «*публичный текст*» и «*публикация*» важными для новейшей социальной философии. Традиционная «прописка» этих понятий по ведомству литературоведения не соответствует ни междисциплинарным тенденциям гуманитарного знания в целом, ни движению социальных дисциплин в сторону проблематики текста и смысла.

Во-вторых, мы имеем в виду «сильную программу в культурсоциологии» Дж. Александера. Это значимая традиция, ее можно считать альтернативой бирмингемской школе в понимании культуры, но не в вопросе о необходимости выделения культурных исследований в отдельную территорию современной гуманитаристики [Александр, 2013]. Александр выводит вопросы культуры за пределы проблематики детерминированности культуры чем угодно – экономикой, политикой etc. – и настаивает том, что: а) культура автономна, несводима ни к чему другому в обществе, культурные исследования не тождественны социологии культуры, рассматривающей культуру не автономно; б) культурсоциология – альтернатива социологии культуры – должна прийти к текстуальной трактовке социальной жизни. Например, литературные жанры имеют социальные импликации: трагедия порождает фатализм, ирония – критику авторитетов, комедия и

любовный роман – оптимизм и социальную включенность [Александр, 2013, с. 92]. Коды, нарративы и символы создают упорядоченные сплетения социального смысла, формируя культурные структуры, трактуемые как социальный текст; таким образом, в науке об обществе должны использоваться «средства литературоведческих исследований» [Александр, 2013, с. 63]; в) наконец, «...культура представляет собой насыщенный и сложный текст, оказывающий тонкое упорядоченное воздействие на социальную жизнь» [Александр, 2013, с. 83].

У выделенных нами двух направлений – наследников социологии, структурализма, герменевтики, марксизма, постмодернизма – есть существенное родство: они оказались отмеченными явной политической ангажированностью, о которой говорилось выше, и ориентированными на политическое противостояние власти через критику культуры и критику политики, то есть через герменевтику культуры. Их ангажированность очевидна, и для социальной философии, в конечном счете, открывается перспектива стать служанкой политологии на пути рецепции материала, инструментов, подходов и принципов этих еще не ушедших в прошлое исследовательских программ. Такую перспективу, по нашему мнению, следует закрыть, как бы заманчиво она ни выглядела в глазах тех, кто ратует за актуальность, практическую значимость и нужность философских исследований в наши дни.

Итак, вопрос о том, что же такое социально-философские исследования в наши дни, остается дискуссионным. Так, Л.А. Микешина отмечает, что «сегодня социальная философия находится не в лучшем из своих состояний, она, что называется, “отстает от времени” и нуждается в осмыслении знаний, полученных конкретными социально-экономическими и гуманитарными науками» [Микешина, 2009, с. 146–147]. Итоги развернувшейся дискуссии «Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология?» – о предмете и методологической специфике социальной философии – склоняют к необходимости системной рефлексии именно в силу особенностей социальных объектов [Момджян, Подвойский, Кржевов, Антоновский, Бараш, 2016]. Таким образом, важным оказывается не только пересмотр оснований социальной философии, но и социально-философских импликаций социокультурных разысканий.

Текст как социокультурный объект

Ориентация современных социальных исследований на смысл была связана с тезисом В. Дильтея о том, что природу мы объясняем, а душевную жизнь – понимаем. Сами же поиски своеобразия «наук о

духе», как кажется, были связаны с легким «комплексом методологической неполноценности» гуманитарного знания второй половины XIX в., сформировавшимся в процессе его постоянного сравнения с достижениями естествознания. Эта методологическая дихотомия определила серьезное влияние герменевтики в области гуманитарного знания, а во второй половине XX в. это влияние осуществилось и на социальные исследования. Из всех его векторов выделим два, наиболее репрезентативные в интересующем нас контексте: а) авторитет П. Рикёра и его тезис о том, что социальные науки могут считаться герменевтическими [Рикер, 2008]; б) авторитет Ю. Хабермаса, его тезис об интерпретационном сдвиге в социальных исследованиях и его анализ сферы публичного [Habermas, 1991].

Проект П. Рикёра по превращению наук об обществе в герменевтику социальных смыслов, без сомнения, увлекателен. Прежде всего, тем, что предлагает удачную интерференцию давних антагонистов – объяснения и понимания, аналитического и собственно герменевтического подходов, в конечном счете, наук о природе и наук о духе. Его ненасильственная и внеконфликтная программа работы с языком (в языке) предлагала видеть в соотношении объяснения и понимания диалектику (от понимания к объяснению и наоборот), снимающую антагонизм. Возможность этого снятия должна быть достижима в результате интерпретации социального действия как письменного текста, человеческого действия как открытого поступка, смысл которого «пребывает в неопределенности». В этом заключается еще одна привлекательность позиции П. Рикёра: «многоголосие» текста, по его выражению, родственное «многоголосию» действия, позволяет социальным исследованиям использовать методы и приемы литературоведения. «Здесь современная теория действия вновь предоставляет нам посредническую связь между методами литературного критицизма и методами социальных наук» [Рикёр, 2008, с. 38], – пишет Рикёр и тем самым а) впускает в социокультурные исследования литературоведение и текстологию; и б) порождает целые социальные миры «неостенсивных референций» и дает творческий простор воображению социолога. Общество можно понять как язык, а социальное действие как текст; язык объективируется в текстах, а общество реализуется в социальных действиях; чтение письменного текста есть модель понимания социальных событий – эти тезисы есть результат «филологизма» в социологии, роль и влияние которого заслуживают отдельного исследования. Мы же обратим внимание на плодотворную, на наш взгляд, «встречу» понятий общества и текста, но сделаем в ней другие акценты.

Если не в социальном увидеть текст и подвергнуть его интерпретации, а в нашей интерпретации текста увидеть социальное, то тогда можно по-новому взглянуть на раннюю и весьма популярную рабо-

ту Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) [см. Хабермас, 1991]. Его почти ностальгическая реконструкция открытого общению, выражению своих мыслей и гражданской активности социального мира первых газет, салонов, кофеен, а также сравнение этого мира с социальными импликациями деятельности прессы современного типа (СМИ) позволила увидеть особый, существенный для философской рефлексии, смысл в понятии «публикация»: это текст, обращенный ко всем, доступный общественности и предполагающий с ее стороны оценку.

Социальная функция публичного текста

Текстологическая компонента современной философии актуальна (см., например, [Рыскельдиева, 2015]). Выражение «всего лишь текстология» – свидетельство исключительно литературоведческого контекста этого рода исследований. Однако существенный сегмент литературоведения способен научить современную философию внимательности и дотошности в работе с текстами – и не только в целях эдиционной деятельности. Междисциплинарные, но выполненные на основе филологии, академические (университетские) исследования текстовой культуры с размытыми границами и вполне либеральными научными принципами, с учетом диахронии и синхронии [см., например, Irvine, 1994] или [Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece, 2003] могут вызвать профессиональную зависть философов и тем самым понудить их к равномасштабным исследованиям. Без такой грамотной и обстоятельной текстологии философия может, пусть и невольно, способствовать неряшливой филиации идей на пути из одного контекста в совершенно другой. Работа с текстом – это фрагмент современной философской культуры, который (и, видимо, единственный!) может гарантировать конкретность любого философского исследования и философии в целом. Бесписьменная (мнемоническая? рецитационная? фольклорная?) философия нам не известна, сократические диалоги, сидение «у ног учителя», «беседы и поучения» дошли до нас только записанными, а «писание» и «чтение» – ключевые и уже «архетипические» слова для нашей культуры. Культура, в которой рождается философская рефлексия, – это культура текстовая, и это понятие давно заслуживает большего внимания, чем оно сейчас от нас получает. Чаще всего термин «текстовая культура» в русском языке появляется в контексте сетований на то, что нынешняя молодежь не читает, не умеет писать, не грамотная, не образованная и пр., что книга умирает, а духовная культура гибнет. Да, действительно, на нынешних смартфонах наряду с буквенной

клавиатурой появляется клавиатура «эмодзи», а блогосфера уступает место визуальному ряду типа **Instagram**, но это лишь изменения в текстовом формате, не отменяющие знакового характера коммуникации.

Текст – «рабочее место» философа, и у философского текста есть неустранимая специфика, учет которой неизбежен как при чтении, так и при написании философского текста. Текстовая специфика определяет коммуникативную ситуацию внутри него, понятия «другой», «свой», «чужой» – вполне релевантны для ее характеристики. Создание философского текста, даже если он не был предназначен «для всех» («в изданных наших сочинениях» как, например, писал Аристотель («Поэтика» Poet. 1454 b17)) [см. Аристотель, 1984, с. 662], его публикация как выведение в свет и делание публичным – это не столько полиграфическое и не только эдиционное мероприятие. Написание текста для публикации – публичного текста – особое событие со своей, если хотите, метафизикой, которая определяет коммуникативную ситуацию этого текста и, что важно, интенцию его автора. Адресат такого текста по определению – публика, это текст заведомо «для других»: для многих (по Ульпиану: “jus publicum” – на пользу Рима, “ad singulorum utilitatem” – на пользу отдельного человека) или для некоторых. Публичный текст есть само-презентация: как представление себя обществу здесь и сейчас и как открытое выражение своего отношения к предмету и существу дела. Понятие такого текста включает в себя то, что известно как «публицистика». При этом имеется в виду публичный текст особого рода, а именно – намеренно, осознанно публичный, с ожидаемыми и даже публичными реакциями. В чем значимость публицистики для современной социальной философии с учетом того, что мы рассматриваем здесь текст как форму саморепрезентации социального и как, в связи с этим, расширяется значение слова «публицистический»?

Публицистика как формат публичного текста

Между какими нефилософскими дисциплинами в совокупности современных исследований «делится» публицистический текст и как современная социальная философия может участвовать в создании междисциплинарного образа этого объекта? Ближайшие к такому объекту и традиционно ассоциируемые с ним нефилософские дисциплины, между которыми происходит или, во всяком случае, должно происходить взаимодействие, – лингвистика и журналистика. Так, в частности, лингвистические исследования характеризуют публицистику как речевой стиль со своими жанрами, выявляют синтаксические структуры, лексемы, характерные тропы конкретных текстов

(см., например, [Rodgers, 2015]). Отечественная лингвистика заметно обращена к историческому наследию, анализу образцов публицистического стиля, принадлежащих русской литературе [Ильинский, 2009; Прохоров, 2012.]. Журналистика как отрасль знаний склонна видеть в публицистике практику использования этого стиля в СМИ [Петрова, 2007; Шерстнева, Янукович, 2014]. В целом, наблюдается некоторая неопределенность понятия «публицистика» в филологических и близких им дисциплинах. При достаточном внимании к публицистичности отдельных текстовых и языковых феноменов сам термин в современных литературоведческих и лингвистических словарях отсутствует. Так, ни в «Кратком Оксфордском словаре литературоведческих терминов» [Baldick, 2001], ни в его полной и более поздней версии [Baldick, 2008] нет статьи под названием «Публицистика».

Так сложилось, что при всей кажущейся полноте междисциплинарного намерения каждая из дисциплин может исследовать свой фрагмент публицистического текста исключительно как часть своей предметной области и оттого – говорить о нем на своем языке, применять свои методы, хотя бы и под эгидой междисциплинарности. Для лингвиста публицистика является стилем литературного языка или дискурсом, в котором этот стиль реализуется, а для исследователя журналистики – жанром, используемым в СМИ. При этом создается модель публицистического текста с выраженной авторской акцентуацией. Вопрос об адресате, на которого как раз и должно быть направлено «перо публициста», не актуализирован. Именно это обстоятельство можно назвать симптомом филологизма в изучении такого многоаспектного явления, как публицистический текст.

Социальная философия так же, как и иные области знания, не преодолевает свои предметные и методологические границы, занимаясь междисциплинарными объектами. Однако само предметное содержание и методология здесь позволяют вывести публицистичность за рамки узкоспециализированного интереса. Это расширение оказывается возможным, если рассматривать публицистический текст как такой, который является продуктом придания смысла социальным объектам, процессам, институтам и т. д. – социальному вообще и при этом обладает мощным социально-эвристическим потенциалом, дифференцирует публичную сферу на территории смыслов, укрепляет или подрывает имеющиеся общности, формирует новые, различающиеся именно по тому, какие смыслы социальному они приписывают. При таком видении существенно расширяются возможности именно аналитического подхода в социальной философии: текст в его реальности позволяет «дробить» себя до простейших знаков, но одновременно заставляет исследователя постоянно отдавать себе отчет в том, что он прочитал в самом тексте, а что он туда «вчитал», исходя из внетекстовой реальности.

Таким образом, обнаружение особого статуса публицистического текста и как продукта, и как инструмента придания смысла социальным явлениям конкретизирует текстовый подход в социальной философии, соединяя понятия «общественное» и «смысл»: смысл может возникать только у текста и только в общественной среде. Именно поэтому, чтобы говорить о смысле, недостаточно привязывать его только к языку или стилю, жанру или коммуникативному отношению. Необходима генерализация содержания этих терминов, и необходим учет оснований, лежащих вне описания филологическими дисциплинами и появляющихся только в социуме. В самом общем виде это могут быть: обстоятельства появления (от вызвавших к жизни данный текст социальных событий до мотивов автора); форма (словарь, стиль, жанр, место и тип публикации); характер коммуникативной ситуации текста (от какого социального субъекта и с какими ожиданиями от разных Других социальных субъектов публикуется, каковы вероятные ожидаемые последствия «вброса» текста в публичную сферу и т. п.). Все вместе они составят то, что мы называем *форматом текста*.

Публицистичность представляет собой текстовый формат, в котором тексты порождены двоякого рода обстоятельствами. Во-первых, это значимые социальные события, конфликты, вызовы, угрожающие существованию наличествующих социальных общностей и – одновременно – стимулирующие рождение новых коллективных субъектов. Во-вторых, это могут быть обстоятельства иного свойства – аналогичные тем, о которых писал Дж. Александер во фрагменте ««Уотергейт» как демократический ритуал», вошедшем в книгу «Смыслы социальной жизни» и завершающемся афоризмом о том, что «скандалы не рождаются, их создают» [Александер, 2013, с. 471]. Имеется в виду скандал, стоивший Форду проигрыша на президентских выборах. Первым из необходимых шагов для этого проигрыша называлась оценка пресловутого взлома номера в гостинице «Уотергейт» как события ненормального «чуть большим, чем крошечная часть населения» количеством людей – публикой. Коммуникативная ситуация, конституирующая публицистический формат текста, специфична именно своей социальной направленностью. В таком формате публицистический текст является текстом, опубликованным от лица некоторого коллективного субъекта и адресованным коллективным субъектам, которые разделяют или оспаривают смыслы данного текста в разных отношениях и в разной степени. Публицистический текст как текст вообще содержит смысл, транслирует его и т. п. Но у него есть и собственная специфика, делающая текст данного формата интересным для социальной философии: он *создает* социальные смыслы – такие, которые, овладев общественными настроениями, способны мотивировать социальные действия, становиться важными факторами социальных трансформаций, составлять

основу для государственных документов или быть частью информационных политических технологий. Со всей очевидностью, синонимом осмысления в коммуникативной ситуации публицистического формата становится оценивание, а оценка – формой, в которой являет себя смысл. Тогда можно выделить некий базовый набор типов оценочных смыслов, конструируемых публицистическим текстом.

О чем в самом общем виде может быть такой текст? Оценивая, публицистический формат *делает* из «просто людей» – героев, мучеников, врагов; из их действий – подвиги и преступления; из свойств вещей, интересов, необходимостей – ценности и блага; из произведений художественного творчества и из идей – тексты и убеждения, работающие («льющие воду на мельницу» и т. п.) на «правильные» или «неправильные» оценки. Тексты, репрезентирующие и таким образом конституирующие эти типы смыслов, обладают беспрецедентным социально значимым потенциалом, связанным именно с конструированием социальных общностей по оценочному основанию, общностей со своими героями, врагами, нормами, ценностями, принятыми художественным творчеством и идеологией, со своими правилами обозначения социальных явлений и процессов в языке.

Текстовая аналитика социального

Если герменевтика использует слово «текст» как своеобразную метафору социального, которое можно изучать «как текст», то аналитика исходит из данности реального публицистического текста и, эксплицируя язык, на котором он описан, обстоятельства, вызвавшие этот текст к жизни и особенности отношения «автор-адресат», позволяет реконструировать общественную жизнь.

В связи с отмеченной выше преобразующей социум значимостью публицистического формата можно представить некоторую структуру, оценочную матрицу, объединяющую существенные (т. е. такие, без которых разрушается формат) смыслы публицистических текстов. К элементам этой матрицы отнесем:

- *персонифицирующие коллективный субъект оценки*: герои, мученики, враги;
- *нормы*;
- *ценности*;
- *средства репрезентации общности*: язык, художественное творчество, идеология.

Поскольку перечисленные оценочные смыслы относятся к разным языкам и типам дискурса – к обыденному языку, этике, праву, модальной логике, религии, политике, идеологии и культуре, мы по-

лагаем, что необходим некий синтетический термин. Последний должен предполагать, в своем объеме, *любое* коллективно-субъективное оценочное отношение к социально значимому явлению, процессу или событию, выраженное *любыми* адекватными этой оценке выразительными языковыми средствами. Уместно, в связи с этим, назвать вышеприведенную матрицу валюативом, а язык, на котором должен быть написан такого рода текст, – валюативным. Валюативное обобщение дает возможность избежать многозначности именно как результата междисциплинарного изучения феномена оценки и говорить об оценках в обыденном языке, языках модальной логики, этики, права, аксиологии, религии, политики и культуры в целом. Но тогда речь должна идти о необходимости выделения некоторого языкового инварианта, некоторого валюативного словаря, экстрагированного из естественного национального языка, например, русского. Данный словарь, назовем его *Rusv*, представляет собой синхроническую структуру с минимально необходимым набором элементов, список которых потенциально открыт, но содержит такие фрагменты естественного языка, которыми можно обойтись для создания публицистического текста [см. Коротченко, 2015, с. 239–240]. Строго говоря, минимальный *Rusv* должен содержать имена строк валюативной матрицы. В выборе выражений и операций для валюативного языка присутствует единственный критерий: они должны обладать оценочной выразительностью. Технически конструирование валюативного субъязыка основывается на функциональном подходе к языковым выражениям, при котором искусственный язык строится с точки зрения выполнения его выражениями необходимых функций.

Большая эмпирическая работа по выявлению, градации, смысловой систематизации, жанровой и коммуникативной соотнесенности, национально-культурной спецификации была проделана лингвистами [см. Вежбицкая, 2001; Вольф, 2002]. Вне учета результатов лингвистических исследований в этой сфере любые попытки анализа публицистического текста в принимаемой здесь его трактовке спекулятивны и бесплодны. Но как обнаруживает себя в этих поисках оценочного языка социально-философская проблематика? Как в оценочном высказывании обнаружить смысл, адресуемый и потенциально понимаемый именно общественностью? Как публицистический формат реализует себя в высказывании и тексте и как социальное говорит о себе в языке и тексте?

Оценочное высказывание имеет двойственную структуру $\langle \{v; f\} \rangle$, где v принадлежит *Rusv*, а f – обычному естественному языку, в данном случае – русскому и описывает социальные объекты» [Коротченко, 2015, с. 240]. В качестве последних могут быть: любое важное для всех (для публики) событие; человек, совершивший значимое для всех социальное действие; опубликованный значимый для всех

политический документ и т. п. – любой значимый для всех фрагмент социальной реальности. Другой же элемент публицистического высказывания относится к строчке валюативной смысловой матрицы. Очевидно, что валюативное высказывание является индикатором того, как социальное интерпретируется его автором и того, какие интерпретации предлагаются адресатам. У героев и врагов есть имена и биографии; нормы прописаны в документах, на которые можно непосредственно сослаться; ценности предстают как необходимости, обоснованные принятыми на момент обоснования способами; художественное творчество воспеваает героев, клеймит врагов, утверждает ценное и нормативно дозволенное, осуждая запретное и провозглашая какие-то ценности ложными (ценности какого-то Другого); объявляет некоторую идеологию верной, а остальные – «менее верными» или даже вредными – и т. д. Например: «X – герой, он совершил такой-то подвиг»; «Y – враг, потому что он попирает наши ценности, которыми являются q, p, г»; «Наше идеологическое учение всесильно, потому что оно верно, а другие учения обречены, потому что не верны». Есть тексты, в которых явно осуществлено такое «приклеивание» оценочного ярлыка к имени социально значимого объекта: постановления о наградах и присуждении почетных званий; решения судов; тексты всевозможных хартий, в которых говорится о нормах и ценностях и т. п. Все вместе они составят некий гипертекст, объединяющий в себе тексты, в которых все высказанные оценки, распределяемые по вышеобозначенным типам смыслов, так или иначе совпадают или редуцируемы к совпадениям. И эти оценки, с другой стороны, разделяются частью публики. Тогда можно говорить, что эта часть общественности объединена общими оценками социального мира. Что может означать такое объединение? Оно может характеризовать нестабильные, сиюминутные солидарности, возникшие, например, в момент трансляции ток-шоу на бытовые темы. Но оно может также говорить о наличии актуальной социальной общности, присутствующей в социуме как коллективный субъект. В качестве последнего выступают социальные слои, этносы, религиозные объединения, общества любителей чего угодно, субкультурные сообщества, социальные группы, государства и межгосударственные объединения. Коллективная субъективность может иметь разные масштабы и локализацию, относиться к разным историческим эпохам, но формируется она как результат общего оценочного осмысления мира. И поскольку такое осмысление может быть репрезентировано в тексте, написанном на валюативном языке, характеризующем, в свою очередь, публицистический формат, есть основания полагать, что последний реконструирует некую языковую модель социального мира таким, как он видится социальными общностями, заполняющими сферу публичного. Она оказывается прошитой оценочными смы-

слами. Проблема соединения этих смыслов с языковыми ярлыками с одной стороны и с осмысляемой реальностью – с другой, проблема природы оценки как результата интерпретации и, наконец, вопрос о роли, которую играют интерпретационные процессы в современной общественной жизни, – данная проблематика принадлежит социальному знанию.

Ориентированная на язык социальная философия, во многом «следуя за» фундаментальной социологией в инклюзии проблематики социальных смыслов, сегодня, сохраняя свою собственно философскую специфику, говорит о текстовых основаниях общественного. Так, анализ структуры оценочного высказывания как высказывания от лица, во имя интересов, целей и т. п. коллективного субъекта и адресованного также коллективному субъекту, показывает, что смыслы, предъявляемые в таком высказывании, и его дальнейшая участь после публикации являются важнейшим – конституирующим – условием дифференциации публичной сферы на общности, условием согласия и противоречий внутри нее. В этой связи можно говорить о предложенной выше валюативно-смысловой матрице как модели оценочной и – шире – интерпретационной активности коллективного субъекта. Этот смысловой концентрат, представленный как коллаж важнейших для коллективности форм социальных оценок, будучи выявлен по текстам (и никак иначе!) от лица коллективности, написанным и опубликованным для ее адептов, против ее врагов и во имя сохранения ее целостности перед лицом внешних вызовов, играет важнейшую роль в организации и сохранении общности.

Социальные конфликты, разламывающие общество на никогда потом не соединяемые части, проходят сегодня по линиям оценочной интерпретации общественного, являясь результатом антиномичного друг другу соответствия оценок валюативной матрицы и социальных явлений. Для значительного социального конфликта достаточно, например, антагонистического оценивания одного и того же человека как героя в одной общности и как врага – в другой, при условии вхождения этих общностей в один социум. В то же время, принятие «других» героев, «других» норм и т. д. является фактором социального согласия. Появление социальной общности, следовательно, не представимо вне поля смысла и интерпретации, неизбежно отсылающих нас к тексту. Еще раз подчеркнем – это должен быть текст особого формата, определенного здесь как публицистический. Он объединяет в себе всевозможные литературные жанры, виды дискурсов, он может быть опубликован любым способом – лишь бы это было доступно общественности и предназначалось для нее. Его основная функция – придавать смыслы и таким образом влиять на формирование и внутреннюю дифференциацию публичной сферы – делает его особым предметом социально-философской рефлексии.

Таким образом, мы утверждаем, что социокультурные исследования наших дней будут иметь бóльшую перспективу в отношении конкретности и предметности, если будут связаны с изучением – анализом и интерпретацией – именно текстовой культуры. В свою очередь, социально-философское исследование всегда выражается в изначально и принципиально авторском философском тексте. Это означает, что социальный философ как автор философского текста всегда несет ответственность за «производство» смысла. Он не «вычитал» его в объективной социальной реальности, не «вчитал» его туда по собственному произволу или прихоти своего воображения. Предлагаемый нами *валюатив*, например, это аналитический проясненный, членораздельный и рефлексивный язык прочтения социального текста. Понятие «социальный текст» при этом лишается виртуального статуса, а предмет социально-философской рефлексии поставляется из области производства текстов. Что же для социальной философии представляет собой предмет прочтения, то есть, социальный текст? Авторский текст, сознательно опубликованный и содержащий авторское отношение, позицию или программу действий по образованию общности. Социальная философия при этом не выискивает, а, почти следуя завету Э. Гуссерля, берет вещи такими, как они сами даются. Тогда у социальной философии остаются две основные исследовательские опции: генерализация результатов работы культурологов, социологов, политологов и др. (критико-методологическая); обнаружение и осмысление социально-значимых интенций (рефлексивно-текстологическая).

Список литературы

- Александр, 2013 – *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.
- Аристотель, 1984 – *Аристотель.* Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 641–684.
- Ахиезер, 2000 – *Ахиезер А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии // *Вопр. философии.* 2000. № 9. С. 29–45.
- Вежбицкая, 2001 – *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 272 с.
- Вольф, 2002 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Джонсон, 2012 – *Джонсон Р.* Так что же такое культурные исследования? // *Логос.* 2012. № 1[85]. С. 80–135.
- Ильинский, 2009 – *Ильинский И.М.* Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике) // *Знание. Умение. Понимание.* 2009. № 4. С. 5–26.

Коротченко, 2015 – *Коротченко Ю.М.* Язык в интерпретационной активности коллективного сознания // Материалы междунаро. конф. Алешинские чтения. 2015 (г. Москва 10–11 дек. 2015 г.). История философии: история или философия? / Отв. ред. Т.А. Шиян. М.: РГГУ, 2015. С. 238–243.

Микешина, 2009 – *Микешина Л.А.* С.Л. Франк: проблемы методологии обществознания // Эпистемология и философия науки / Epistemology & philosophy of science. 2009. Т. XXII. № 4. С. 133–149.

Момджян, Подвойский, Кржевов, Антоновский, Бараш, 2016 – *Момджян К.Х., Подвойский Д.Г., Кржевов В.С., Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э.* Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности // Вопр. философии. 2016. № 1. С. 17–42.

Петрова, 2007 – *Петрова Е.А.* Исследование публицистических текстов англоязычных городов с точки зрения наличия в них разговорной лексики (на материале газет Великобритании и США) // . 2007. Т. 22. № 53. С. 181–186.

Рикер, 2008 – *Рикер П.* Модель текста: осмысленное действие как текст // Социол. обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 25–43.

Рыскельдиева, 2015 – *Рыскельдиева Л.Т.* О философской текстологии или Чему может научить история философии // Вопр. философии. 2015. № 1. С. 106–114.

Холл, 2012 – *Холл С.* Культурные исследования: две парадигмы // Логос. 2012. № 1(85). С. 157–183.

Шерстнева, Янукович, 2014 – *Шерстнева Л.Г., Янукович Н.Н.* Лингвостилистические особенности современного публицистического дискурса // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 11(89). С. 136–138.

Baldick, 2001 – *Baldick C.* The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. N.Y.: Oxford University Press Inc., 2001. 280 p.

Baldick, 2008 – *Baldick C.* The Oxford Dictionary of Literary Terms (3 ed.). N.Y.: Oxford University Press Inc., 2008. 416 p.

Habermas, 1991 – *Habermas J.* The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (MA): The MIT Press, 1991. 302 p.

Hoggart, 1957 – *Hoggart R.* The uses of literacy: aspects of working-class life, with special reference to publications and entertainments. L.: Chatto and Windus, 1957. 319 p.

Irvine, 1994 – *Irvine M.* The making of Textual Culture: “Grammatica” and Literary Theory, 350–1100. Cambridge University Press, 1994 (Transferred to digital printing 2003). 605 p. URL: <http://assets.cambridge.org/97805214/14470/sample/9780521414470ws.pdf> (дата обращения: 05.07.2016).

Johnson, 1986 – *Johnson R.* What Is Cultural Studies Anyway? // Social Text. Durham. Winter 1986–1987, no. 16. P. 38–80.

Rodgers, 2015 – *Rodgers M.A.* Theory of Genre Formation in the Twentieth Century // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2015. Vol. 17. Issue 4. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol17/iss4/2/> (дата обращения: 02.06.2016).

Stern, Burns, 2011 – *Stern A.E., Burns T.J.* About the Human Condition in the Works of Dickens and Marx // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13. Issue 3. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss4/10/> (дата обращения: 19.06.2016).

Thompson, 2009 – *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. L.: Pinguin Gr. 2009. URL: <http://libcom.org/library/making-english-working-class-ep-thompson> (дата обращения: 01.07.2016).

Williams, 1958 – *Williams R.* Culture and Society. L.: Chatto and Windus, 1958. 412 p.

Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece, 2003 – Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece / Ed. By Harvey Yunis. N.Y.: Cambridge University Press, 2003 (online publication date 2009). 262 p. URL: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002071492.pdf> (дата обращения: 05.07.2016).

References

Akhiezer A.S. “Filosofskie osnovy sotsiokul’turnoi teorii i metodologii” [Philosophical Grounds of Socio-Cultural Theory and Methodology], in: *Voprosy filosofii*, 2000, no. 9, pp. 29–45. (In Russian)

Aristotle. “Poetika” [Poetics], in: *Aristotle. Soch.* [Collected Works in 4 vol. Vol. 4]. Moscow: Mysl’, 1984, pp. 641–684. (In Russian)

Baldick C. *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. New York: Oxford University Press Inc. 2001. 280 pp.

Baldick C. *The Oxford Dictionary of Literary Terms* (3 ed.) New York: Oxford University Press Inc. 2008. 416 pp.

Habermas J. *The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. 302 pp.

Hoggart R. *The uses of literacy: aspects of working-class life, with special reference to publications and entertainments*. London: Chatto and Windus, 1957. 319 pp.

Il’inskiĭ I.M. “Belaya pravda Bunina (zametki o buninskoĭ publitsistike)” [The white true of Ivan Bunin. Notes on Bunin’s publicistic works], in: *Znanie. Umenie. Ponimanie*, 2009, no. 4, pp. 5–26. (In Russian)

Irvine M. *The making of Textual Culture: “Grammatica” and Literary Theory*, 350–1100. Cambridge University Press, 1994 (Transferred to digital printing 2003). 605 pp. [<http://assets.cambridge.org/97805214/14470/sample/9780521414470ws.pdf>, accessed 05.07.2016].

Johnson R. What Is Cultural Studies Anyway?, *Social Text. Durham*. Winter 1986–1987, no. 16, pp. 38–80.

Johnson R. “Tak chto zhe takoe kul’turnye issledovaniya?” [What is the cultural studies anyway?], *Logos*, 2012, no. 1 [85], pp. 80–135. (In Russian)

Kholl St. “Kul’turnye issledovaniya: dve paradigmy”, in: *Logos*, 2012, no. 1(85), pp. 157–183. (In Russian)

Korotchenko Yu.M. “Yazyk v interpretatsionnoi aktivnosti kollektivnogo soznaniya” [Language in the interpretative activity of collective consciousness], in: Shiyani T.A. (ed.). *Mat-ly mezhd. konf. Aleshinskie chteniya. 2015 (Moskva 10–11 dekabrya 2015). Istoriya filosofii: istoriya ili filosofiya?* RGGU, 2015, pp. 238–243. (In Russian)

Mikeshina L.A. “S.L. Frank: problemy metodologii obshchestvoznaniya” [S.L. Frank: the Problems of Social Science Methodology], in: *Epistemology & philosophy of science*, 2009, T. XXII, no. 4, pp. 133–149. (In Russian)

Momdzhyan K.Kh., Podvoiskii D.G., Krzhevov V.S., Antonovskii A. Yu., Barash R.E. "Sistemno-teoreticheskii podkhod k ob'yasneniyu sotsial'noi real'nosti" [System and Theoretical Approach to Explanation of Social Reality], in: *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, pp. 17–42. (In Russian)

Petrova E.A. "Issledovanie publitsisticheskikh tekstov angloyazychnykh gorodov s tochki zreniya nalichiya v nikh razgovornoj leksiki (na materiale gazet Velikobritanii i SShA)" [Researching the Publicist Texts of English-speaking Cities the Aspect of the Presence of Colloquial Lexis], in: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2007, Vol. 22, no. 53, pp. 181–186. (In Russian)

Prokhorov G.S. "Chto takoe khudozhestvennaya publitsistika?" [Fictionalized Journalism: Clarifying the Term], in: *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2012, no. 3(22), pp. 44–52. (In Russian)

Riker P. "Model' teksta: osmyslennoe deistvie kak tekst" [Ricoeur P. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text], in: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2008, T. 7, no. 1, pp. 25–43. (In Russian)

Rodgers M.A. "Theory of Genre Formation in the Twentieth Century", *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2015, Vol. 17, Issue 4. [<http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol17/iss4/2/>, accessed 02.06.2016].

Ryskel'dieva L.T. "O filosofskoi tekstologii ili Chemu mozhet nauchit' istoriya filosofii" [On philosophical Textology or What the History of Philosophy Can Teach], in: *Voprosy filosofii*, 2015, no. 1, pp. 106–114. (In Russian)

Sherstneva L.G., Yanukovich N.N. "Lingvo-stilisticheskie osobennosti sovremennogo publitsisticheskogo diskursa" [Linguistic and Stylistic Peculiarities of Publicist Discourse], in: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov: Gramota, 2014, no. 11(89), pp. 136–138. (In Russian)

Stern A.E., Burns T.J. "About the Human Condition in the Works of Dickens and Marx", *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2011, Vol. 13, Issue 3 [<http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss4/10/>, accessed 19.06.2016].

Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. L.: Pinguin Gr., 2009 [<http://libcom.org/library/making-english-working-class-ep-thompson>, accessed 01.07.2016].

Vezhbitskaya A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison cultures through language and pragmatics]. Moscow: «Yazyki slavyanskoi kul'tury», 2001. 272 pp. (In Russian)

Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [The Functional Semantics for Value]. Moscow: Editorial URSS, 2002. 280 pp. (In Russian)

Williams R. *Culture and Society*. London: Chatto and Windus, 1958. 412 pp.

Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece (ed. by H. Yunis). Cambridge University Press, 2003 (online publication date 2009). 262 pp. [<http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002071492.pdf>, accessed 05.07.2016].